

Е. В. Горская

Фонетические и графико-орфографические особенности псковского Шестоднева служебного около 1312 г.

Предлагаемая статья основана на изучении памятника древнерусской письменности, в состав которого входят Шестоднев служебный, около 1312 г. (л. 1—132) и Часослов с добавлениями, второй половины XIV в. (л. 133—248). В данной работе рассматривается только первая часть рукописи—Шестоднев служебный. Памятник хранится в Типографском собрании Российского государственного архива древних актов (ф. 381, № 76). На внутренней стороне верхней переплётной крышки имеется наклейка с пометой, выполненной скорописью XVII в.: «*Книга дмитриевского мнѣстря с поля*». На основании этой записи А. А. Покровский считал, что памятник поступил в библиотеку при Московском печатном дворе из псковского монастыря вместе с другими рукописями, которые в 1679 г. по приказу патриарха Иоакима были присланы для «книжной справы» [Покровский 1916: 17—24, 29—31, 36—47].

Рукопись введена в научный оборот, но не подвергалась подробному лингвистическому анализу. Заметим, что псковское рукописное наследие мало изучено. А. И. Соболевский посвятил вторую часть «Очерков по истории русского языка» псковскому говору, впервые из псковских рукописей был извлечен интересный диалектный материал. Затем Н. М. Каринский исследовал псковские рукописи XV в., периода второго южнославянского влияния, он привлекал и более ранние тексты, такие, как Паремейник 1271 г. и Паремейник 1312—1313 гг., причем из последнего анализировался только небольшой отрывок. Рассматриваемая рукопись представляет собой церковнославянскую богослужебную книгу — собрание служебных воскресных и дневных восьми гласов. В книге также помещены воскресные чтения. Как показывают исследования В. В. Калугина, в её создании принимали участие священник псковской церкви Свя-

того Николая Мирликийского Андрей Микулинский, его сын дьяк Козьма Попович, и, кроме того, в памятнике имеются почерки еще четырех писцов. Палеографические особенности рукописи, а также запись, оставленная одним из писцов на л. 111, рассказывающая о солнечном затмении: «въ лѣто ꙗ.ѡ. ѡ. ѡ. (6820) мѣца июля въ ѡ. (5) быс знамени на нѣе въ слнцы третьяга час погыбе слнца ꙗко то ѡбѣдню ѡтпетн», — позволили В. В. Калугину [Калугин 1991: 53] датировать Шестоднев временем около 1312 г., поскольку солнечное затмение на Руси было 5 июля 1312 г. [Булгаков: 1972: 63]. Результаты, полученные нами при определении границ почерков, подтверждают выводы В. В. Калугина [Калугин 1991: 53—54].

Почерки распределены следующим образом:

1-й писец: л. 1—2об.;

2-й писец: л. 3—26об.; киноварные заголовки на л. 117об., 119, 120, 123, 124об., 125об., 126об., 128об., 130об.;

3-й писец (Козьма): л. 27—28, 29об. (кроме первых трёх слов) — 82об., 83об.—116 (только две первые строки сверху);

4-й писец (Андрей): л. 28об.—29об. (первые три слова), л. 80 (третья строка снизу после слова **дхѡмь** и последние две строки), 83—86 (последнее слово на пятой строке сверху — **оуподобльше** — 6-я — 10-я строки), 102об., 114об. (конец 12 строки сверху — **местити**, 13-я и 14-я строки);

5-й писец: л. 116 (кроме первых двух строк) — 132об. (исключая последние 14 строк);

6-й писец: л. 132 (последние 14 строк);

Из приведенных данных видно, что большая часть текста переписана Козьмой.

Есть предположение, что при церкви, в которой служил Андрей, «поп Микулинский», существовал скрипторий. Именно в скрипториях обучали правилам письма. Но даже при максимально тщательной переписке текста писцы не могли не отразить своих диалектных особенностей. В данной статье речь пойдет о фонетических особенностях псковского говора начала XIV в., получивших отражение в рукописи Шестоднева.

В рукописи отмечена взаимная мена букв **с** и **з** соответственно с буквами **ш** и **ж**:

с на месте **ш** — **приседъ**, **заченси** л. 2об. (1-й писец), **насему** л. 3, 23об., 24, **насаго** л. 23, **просени** л. 5об. (2-й писец);

ш на месте **с** — **шилою** л. 17об. (2-й писец);

з на месте **ж** — **зиводавча** л. 2 (1-й писец), **презе** л. 20, **постыза-ет са** л. 23, (2-й писец), **зизни** л. 27 (Козьма).

В таких написаниях можно видеть отражение характерной черты древнепсковского диалекта: совпадение s' (из s перед гласной переднего ряда) и z' (из z перед гласной переднего ряда, а также из результата третьей палатализации для * g) соответственно с \check{s} и \check{z} . Возникшие при этом единые фонемы можно обозначить как s , z (в кириллической транскрипции — с, з). Это называется шоканьем или шепелявьем [Зализняк 1995: 43]. В псковских рукописях XIV в. смешение букв **с**, **з** и **ш**, **ж** свидетельствует о шепелявом произношении писцов, например, в Апостоле 1307 г. находим **зѣланик**, **поносеньк**. В древненовгородском койне шоканье встречается, но сравнительно редко, например, в новгородской берестяной грамоте XII в.: **шизый** «сизый», «сивый», ср. в «Слове о полку Игореве» по Мусин-Пушкинскому списку XV—XVI вв.: **шизымъ орломъ**.

В рассматриваемой рукописи примеры, отражающие на письме шоканье, отмечены главным образом у первого и второго писцов, хотя они переписали небольшой объем текста. Только один раз пример такого рода встречается у Козьмы, что указывает на его профессионализм как мастера-книгописца.

У писцов довольно часто отражается цоканье, показательная черта для псковских памятников. Например:

ц на месте **ч** (* \check{c} <* k по первой палатализации): **велицаемъ** л. 33об., **источнице** (зв. ф.) л. 42, **члвѣцескому** л. 45об., **по цислоу** л. 48, **пороуциги** л. 88об., **цимь** л. 112;

ч на месте **ц** (* c <* k по второй палатализации): **рчи** (вм. **рыци**) л. 3об., **отрочи** л. 39об.;

ч на месте **ц** (* c <* k по третьей палатализации): **члвклюбеч** л. 19об., **ловъча** л. 20, **трончю** л. 21, **нарнчаемаго** л. 22, **лествичю** л. 39, **со шчеме** (со **отцемь**) л. 48, **ходатанчю** л. 51, **зрчала** л. 66об., 69;

ц на месте **ч** (* \check{c} <* kj): **члвць** (притяж. прил.) л. 49об.;

ч на месте **ц** (* c из начального * kv перед * \check{e}): **прчвело** л. 45.

Такие написания главным образом находим у 1-го, 2-го и 3-го писцов.

Цоканье представляет собой неразличение звуков на месте аффрикат [č] и [c], совпадение их в одном звуке и является ярчайшей и одной из древнейших диалектных особенностей северновеликорусского наречия. Еще в дописьменную эпоху оно отличало говоры севера и северо-запада Древней Руси от диалектов юга и юго-запада, знавших две самостоятельные фонемы [č] и [c].

Известно, что в псковском говоре произошло совпадение в единой фонеме результатов первой и третьей палатализаций для * k и рефлекса сочетания * kj , следовательно, в живом языке имелась лишь одна аффриката [Зализняк 1995: 34]. Не осуществилась в этом

диалекте вторая палатализация заднеязычных, т. е. *k, *g, *x лишь смягчились (дали к', г', х'). Не было переходного смягчения и в начальных сочетаниях *kv, *gv перед *ě и *i. По мнению В. М. Живова, в древненовгородском ареале аффрикаты [ц'] и [ч'] не различались не только в разговорной речи, но и в книжном произношении. Следовательно, этимологически правильное написание букв **ц** и **ч** было орфографической условностью. Для того, чтобы писать правильно, носитель цокающего говора должен был прибегать к специальным правилам. Такие правила определенно применялись, только исходя из этого можно объяснить верное написание в большинстве случаев. Реконструкция правил, соотносящих различия в написании с различиями в разговорном произношении, предложена в работах В. М. Живова [Живов 1984: 267—269; он же 1986: 297—298]. Первые два правила просты и легки для запоминания, и, видимо, по этой причине на них приходится наименьшее число ошибок в рукописях XI—XII вв.

1. Если в разговорном языке слышится [к'], то в книжном письме пишется буква **ц** (за исключением немногочисленных заимствований **кивотъ**, **китъ** и др.).

2. Если в разговорном языке слышится аффриката, а предшествующая буква не **ь** или **и**, в книжном письме пишется **ч**.

Сложнее обстоит дело с положением после букв **ь** и **и**, так как аффриката, которая произносилась в разговорном языке, могла соответствовать как рефлексу *č по первой палатализации (например, **ликъ—обличати**), так и рефлексу *с в результате третьей палатализации (например, **лица**, р. ед.). Написание соответствующих букв после **ь** и **и** определялось сложными правилами, опиравшимися уже не на фонетическую, а на грамматическую традицию.

3. Если в разговорном языке слышится аффриката и предшествующей буквой является **ь** или **и**, то в книжном письме **ч** пишется (а) в формах Voc. Sg. сущ. м. р., (б) перед суффиксами, начинающимися с **ь** или **и**, (в) в глагольных формах и отглагольных образованиях, (г) в притяжательных прилагательных; **ц** пишется в падежных формах существительных, кроме Voc. Sg. сущ. м. р.

В рассматриваемом памятнике наблюдаются ошибки на правило (1): **рчи** (пов. накл.) л. 3об. (2-й писец), **отрочи** (им. мн.) л. 39об. (3-й писец — Козьма). Один раз у Козьмы отмечено написание букв **ч** в соответствии с **ц** в начальном сочетании *kv перед *ě.

Наблюдаются ошибки на месте рефлексов первой палатализации там, где она попадает в условия третьей (ошибка на правило (3)), например:

3-й писец: **источнице** (зв. ф), л. 42, **велицаемъ** л. 33об.

Встречается написание буквы *ц* в соответствии с рефлексом этимологического **k* по первой палатализации (вне условий третьей): 1-й писец — *реце* (аорист) л. 1; 3-й писец — *по цислоу* л. 48, *поруци-ти* л. 88об., *цимь* л. 112.

Отмечены ошибки на правило (2) (**c* < **k* по третьей палатализации):

2-й писец: *трочню* л. 21; 3-й писец: *лествичю* л. 39, *со вѣеме* (со *отцем*) л. 48, *зрѣала* л. 66об., 69, *ходатаичю* л. 51. Встречается ошибка в форме причастия, образованного от глагола на *-ати*, здесь писец не мог различить рефлексy первой и третьей палатализаций: *на-ричаемаго* л. 22.

Отмечена ошибка на правило (3) — 3-й писец: *чѣвць* (притяж. прил.) л. 45.

Правила, предложенные Живовым, касаются периода до падения редуцированных. После падения редуцированных правила должны были измениться в том случае, если в рукописной традиции уже закрепились результаты этого процесса. Поскольку в рассматриваемой рукописи отражается падение редуцированных, то, вероятно, имели силу правила 1 и 3. Правило 2 писец мог применить только после буквы *и*.

Известно, что до конца XI в. написания с *жд*, усвоенные под влиянием церковнославянской орфографии, преобладали в восточнославянских рукописях, но не соответствовали живому произношению. Постепенно, однако, *ж* вытесняет *жд* из книжной нормы. Написания с *ж*, отражающие рефлекс **dj*, иногда встречаются уже в древнейших памятниках, например в Остромировом Евангелии 1056—57 гг.: *прихожоу*, *роженыи*; в Изборнике Святослава 1073 г.: *жажа*, *прѣже*. В текстах рубежа XII—XIII вв. такие написания постепенно берут верх над формами с *жд*, а в начале XIII в. *жд* оказывается за пределами книжной нормы. Написания с *жд* появляются вновь в древнерусских рукописях с конца XIV в. — с начала второго южнославянского влияния. В анализируемой рукописи у всех писцов находим в этой позиции *ж*: *осужени* л. 54, *надежа* л. 87, *оутвержение* л. 37, *прохъжаше* л. 20об.

Лишь один раз в рукописи отмечено *жд*: *пригвожденому* л. 37 (Козьма), где *жд* передает сочетание, получившееся из **zdj*. Известно, что новгородские и псковские рукописи имеют в таких случаях написания с сочетанием *жг*. В рассматриваемом памятнике в подобных случаях, как правило, пишется *жг*: *прѣвожгъ* л. 44, *пригвожгаемъ*, *пригвожгаема* л. 20об., *прѣвожгенъ* л. 30об. (2-й и 3-й писцы). Еще А. И. Соболевский полагал, что написание *жг* отразило особенность живой речи новгородских и псковских писцов и произноси-

лось как [ж'г'] [Соболевский 1903: 35]. Как установил А. А. Зализняк, сочетание **жг** передавало на письме звук с конечным взрывным элементом, произносившийся как [ж'г'] в псковском диалекте и как [ж'ħ] в восточно-новгородских говорах. Псковские рефлексy получили значительное распространение в древненовгородском койне и сосуществовали с восточно-новгородскими рефлексами, то есть произносилось и [пр'ижеж'aj] и [пр'ижеж'g'aj]. Вероятно, в древненовгородском и древнепсковском диалектах это были двухфонемные сочетания [Зализняк 1995: 39]. В псковских рукописях, отразивших шокающий говор, произошло совпадение первого элемента этого сочетания, мягкого шипящего [ж'], с мягким свистящим [з']. Такое произношение передают написания **зг** в первой Псковской летописи XVI в.: **дозга**, **наезгати**, ср. в тех же условиях **дъжга** «дождя».

В рукописи наблюдается смешение собственно древнерусских и южнославянских особенностей письма, характерных для XIV в. Представлены написания с этимологическим порядком букв в сочетаниях редуцированных с плавными между согласными: **исповръже** л. 3, **оутвърди са** л. 57об., характерных для древнерусской письменности. Вместе с тем у второго и третьего писцов отмечены написания южнославянского типа: **исплънив са** л. 20, **исплъняюще** л. 67об. Наблюдаются написания с буквами **ѣ** и **ѣ** перед буквой плавного: **къ смерти** л. 2об., **оутвержение** л. 27, **оутвержающоу** л. 119, **смѣртны** л. 59об., **въвъргоша** л. 129об. У второго писца встречаются написания, отражающие «второе полногласие», свойственное северо-западным говорам древнерусского языка, а именно: сочетания [орo], [оло], [ере] в соответствии с исконными [ър], [ъл], [ѣр] в положении между согласными. В рукописи находим: **свъръшитъла** л. 11об., **въръхъвьнен** л. 14, **оумьретви са** л. 16об. Последний пример с буквой **ѣ** после буквы плавного позволяет видеть в отмеченных написаниях с **ръ** отражение «второго полногласия».

И. В. Ягич, А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново и некоторые другие исследователи считали, что до второй половины XII в., то есть до двоякого изменения редуцированных, написание типа **търъгъ** не дают надежных указаний на живое произношение [Ягич 1889: 22; Шахматов 1915: 215; Дурново 2000: 148]. Этот условный орфографический прием был вызван стремлением объединить старославянские и древнерусские правила правописания сочетаний типа *tȕrt. А. А. Шахматов не исключал также, что примеры такого рода передавали на письме искусственное произношение, которое явилось следствием неумения произнести «по-болгарски» слоговой плавный и стремления приблизить к книжной дикции живое древнерусское произношение [Шахматов 1915: 215].

В отличие от А. А. Шахматова А. И. Соболевский считал, что написания типа **търтъ** отражают древнее фонетическое явление, аналогичное восточнославянскому полногласию. По его мнению, праславянские сочетания типа ***tortъ** и ***tǫrtъ** развились одинаковым образом в древнерусском языке. Как известно, сочетания типа ***tortъ** давали полногласные формы, ср.: рус. смородина и др.-рус. **смородъ** «вонь, зловонье», ст.-сл. **смрадъ**, др.-прусс. **smorde** «черемуха». Аналогичным образом, по А. И. Соболевскому, сочетания ***tǫrtъ** изменилось в ***tǫrtъ**.

А. И. Соболевский отметил, что в певческих текстах XII—XIII вв. с музыкальной нотацией над обоими редуцированными в таких сочетаниях могут находиться нотные знаки. Среди певческих рукописей особенно интересны кондакари с их специальным растяжным письмом, при котором повторение букв соответствует тянущемуся гласному при пении. В Благовещенском кондакаре конца XII — начала XIII в. отмечено растяжение еров — **цььрььькы (цььрькы)**. Несомненно в таких случаях пелись оба редуцированных [Соболевский 1903: 26—27].

По наблюдениям А. А. Зализняка над языком берестяных грамот, в севернокривичском диалекте сочетания типа ***tǫrtъ** изменились в ***tǫrtъ**. В отличие от этого в Юго-Западной Руси или сохранился исконный тип ***tǫrtъ**, или после плавного возникал слабый вокалический призвук, не достигавший полноценного [ъ] или [ь] и в нормальном случае не развившийся в самостоятельную гласную [Зализняк 1995: 41].

После падения редуцированных по говорам древнерусского языка сочетания типа ***tǫrtъ** развилось в полногласные формы **оро**, **ере**, **оло** и **ело** (после мягкой шипящей). Это диалектное явление типологически сходно с общерусской историей сочетаний типа ***tort**. Поэтому вслед за А. А. Потебней его принято называть «вторым полногласием».

С. Л. Николаев, исследуя материалы Псковского областного словаря, пришел к выводу, что «второе полногласие» в говорах севернокривичского происхождения обнаруживается только в позиции перед праславянскими сильными и слабыми редуцированными, причем не всегда, а только в определенных просодических условиях, а именно когда последовательности **tǫrtъ** имели интонацию «нового акута» (которая давала рефлекс долготы в данной позиции во всех славянских языках) или находились в морфонологических позициях западнославянского аналогического удлинения (чаще всего в образованиях с суффиксами **-ькъ**, **-ько**, **ька**). Например: 1) в слогах с «новым акутом»: ***stǫlb** > сталоп I: 75, II: 160 столоп III: 160;

*vьгхъ > верѣхъ, наверѣхъ III: 100—101, 2) в позиции аналогического западноевропейского удлинения *skatьгька > скатерѣткам I: 167 [Николаев 1994: 32].

Относительно употребления буквы ѣ в неполногласных сочетаниях следует заметить, что, кроме традиционно русских написаний с буквой ѣ соответствующих неполногласных сочетаний древо л. 45, въ чреѣѣ л. 51 (Козьма), встречаются примеры с ѣ: мрѣжа л. 22 (2-й писец), прѣтъргѣша л. 102об. (Андрей), на дрѣѣѣ л. 97об. (Козьма), прѣстрашнымъ л. 119 (5-й писец). Такие написания находим у Козьмы и Андрея, а также у второго и пятого писцов. В. М. Живов объясняет написания типа врегъ влиянием соответствующих полногласных восточнославянских форм — в данном случае берегъ. Проверая правильность написания ѣ и ѣ, древнерусский книжник обращался к разговорному произношению: он писал ѣ, если слово произносилось с [ѣ], например, грѣхъ, где было исконное общеславянское сочетание рѣ (не из *tert). Между тем, проверяя неполногласные сочетания с рѣ, он слышал в своей живой речи не [ѣ], а [e] — берегъ и потому писал ѣ. Такая проверка была невозможна в неполногласных сочетаниях с лѣ, так как восточнославянские варианты отличались от южнославянских форм, ср. ст.-сл. млѣко, плѣнъ, др.-рус. молоко, полонъ. Отсюда проистекала вариантность в написании неполногласных сочетаний с лѣ, которая наблюдается уже в восточнославянских рукописях XI—XII вв. [Живов 1999: 787—788]. В Шестодневе встречается написание: пленникъ 5 л. (2-й писец). В Паремейнике 1312—1313 г., переписанном Андреем и Козьмой, отмечены написания пленникъ л. 93 в (Андрей), шлѣмъ л. 132а—б (Козьма).

В рукописи также встречаются написания форм местоимений с ѣ вместо ѣ в Д.-М. теѣе, сеѣе л. 43, 58об., наряду с написаниями теѣѣ л. 43, 90, сеѣѣ л. 116об. В древнерусском языке личное местоимение 2 л. и возвратное местоимение в Д.-М. ед. имели формы товѣѣ, совѣѣ в отличие от соответствующих старославянских форм теѣѣ, сеѣѣ. Древнерусские формы товѣѣ, совѣѣ нередки в древнейших церковнославянских текстах (в Изборнике Святослава 1073 г., Архангельском Евангелии 1092 г. и др.), но представляют собой отклонения от книжной нормы. Формы со ступенью о в Д.-М. падежах известны и другим славянским языкам, ср. чеш. tobě sobě, польск. tobie sobie (впрочем, чеш. говорам известны и формы tebě, sebě). По мнению Б. А. Успенского, формы теѣе, сеѣе появились в результате контаминации форм общего Д.-М. с Р.-В. [Успенский 1988: 129—134]. Как отмечает Н. Н. Дурново, формы теѣѣ, сеѣѣ для русских книжников были чужими, а потому заменялись обычными для писцов формами

Р.-В. **тѣбѣ**, **себѣ** или русскими формами Д.-М. **тобѣ**, **собѣ** [Дурново 2000: 476].

Одновременно с этимологически правильным употреблением буквы **ѣ**: **верѣ** л. 88, **крѣпостью** л. 63об. — у всех писцов встречаем примеры с написанием буквы **ѣ** в соответствии с *е и буквы **ѣ** в соответствии с *ѣ, например:

ѣ в соответствии с *е — под ударением перед твердым согласным: **нѣбо** л. 65об., **дрѣвле** л. 62 (Козьма);

ѣ в соответствии с *ѣ — под ударением перед твердым согласным: **крепость** л. 8об., **вернымо** л. 7, **ѡветъ** л. 22 (2-й писец), **семо** л. 42об., **исповѣдающая** л. 45, **ведоуща** л. 51, **требуютъ** л. 111об. (Козьма), **вѣкоу** л. 116об., **рцѣта** (пов. накл.) л. 117, **веровавшимъ** л. 118, **деломъ** л. 121 (5-й писец).

Основным положением при решении вопроса о судьбе фонемы [ѣ] в древнепсковском говоре, обозначавшейся на письме буквой **ѣ**, является ее позиция под ударением перед твердым согласным. Именно в этом сильном положении фонема [ѣ] отчетливо противопоставлялась другим гласным фонемам древнерусского языка. Этимологически правильное употребление буквы **ѣ** в сильной позиции свидетельствует о сохранении особой фонемы в говоре древнерусского писца. Фонетическое неразличение в положении под ударением перед твердым согласным [е] и [ѣ] проявляется на письме в смешении соответствующих букв и свидетельствует об утрате фонемы [ѣ]. Другие фонетические позиции при решении вопроса о судьбе фонемы [ѣ] непоказательны. В позиции между мягкими согласными под ударением происходила нейтрализация [е] и [ѣ] в напряженном закрытом аллофоне [ѣ], а безударное положение для гласных вообще является ослабленным. В безударной позиции в абсолютном конце слова мена **ѣ** на **ѣ** или **н** могла быть обусловлена чисто морфологическими причинами.

Взаимная мена букв **ѣ** и **ѣ** в рассматриваемой рукописи отмечена как под ударением, так и в безударном положении, как перед твердым, так и перед мягким согласными, а также в абсолютном конце слова, например:

1. **ѣ** на месте **ѣ**:

а) под ударением перед мягким согласным: **вертѣпѣхъ** л. 110б. (2-й писец), **надѣжею** л. 61об., **удѣжмьса** л. 112 (Козьма);

б) в безударном положении перед твердым согласным: **вѣскрѣсни** (пов. накл.) л. 33, **вожѣства** л. 52об., **вѣсплѣтныи** л. 65, **сѣло** (Козьма), л. 117об., **пѣтрови** л. 116об. (5-й писец);

в) в безударном положении перед мягким согласным: **волѣю** л. 47об. (Козьма);

г) под ударением в абсолютном конце слова: **сѣ** в м. с. л. 131об. (5-й писец);

д) в безударном положении в абсолютном конце слова: **тронцѣ** (зв. ф.) л. 8об., **престолѣ** (зв. ф.) л. 7об. (2-й писец).

2. **ѣ** на месте **ѣ**:

а) под ударением перед мягким согласным: **прѣвѣчноуѣмоу** л. 12об., **нетѣленію** л. 21 (2-й писец), **кромешнію** л. 35об., **запечатлѣшасѣ** л. 40об., **верѣ** л. 88 (Козьма), **скорѣѣ**, **вѣмѣ** л. 125 (5-й писец);

б) в безударном положении перед твердым согласным: **несѣкомаѣ** л. 2 (1-й писец), **прѣбѣгающѣѣ** л. 43, **ѣзычѣхѣ** (м. п.) л. 38, **сѣставѣхѣ** (м. п.) л. 36об. (Козьма), **прѣцѣхѣ** (м. п.) л. 123об.;

в) в безударном положении перед мягким согласным: **разрѣшивша** л. 28, **жерѣстѣмѣ** (м. п.) л. 108 (Козьма);

г) в абсолютном конце слова под ударением: **в водѣ** (м. п.), л. 57 **повѣлѣ** (аорист) л. 116 (5-й писец);

д) в абсолютном конце слова в безударном положении: **во оутробѣ** л. 2об. (1-й писец), **въ гробѣ** (м. п.) л. 28, **силѣ** (д. п.) л. 60об., **вѣрѣ** л. 88, **во адѣ** (м. п.) л. 57 (Козьма), **роуцѣ** (в. п. дв. ч.) л. 123 (5-й писец).

По-видимому, мена **ѣ** и **ѣ** в рассматриваемой рукописи имеет чисто орфографический характер. Как указывал Н. М. Каринский, во Пскове существовало две орфографические школы: одни писцы заменяли **ѣ** через **ѣ**, другие заменяли **ѣ** через **ѣ** [Каринский 1909: 172]. Следует также отметить что в Шестодневе наблюдается взаимная мена букв **ѣ** и **ѣ**, например:

1. **ѣ** в соответствии с *ѣ:

а) под ударением перед твердым согласным: **крѣпокѣ** л. 3, **вѣлухѣ** л. 10об., **прѣпѣта** л. 14, **тѣлѣ** (тѣло) л. 16, **мѣсто** л. 20об. (2-й писец), **свѣтомѣ** л. 45, **прѣтерпѣвѣ** л. 112об. (Козьма);

б) под ударением перед мягкими согласными: **вѣрениѣ** л., **оуневѣсти** л. 15об. (2-й писец);

в) в безударном положении перед твердыми согласными: **грѣхоѣ** л. 6, **грѣхѣ** л. 8 (2-й писец);

г) в безударном положении перед мягкими согласными: **исцѣлѣхомѣ** л. 6 (2-й писец);

д) под ударением в абсолютном конце слова: **по рѣжѣтѣвѣ** (д. п.) л. боб., **вѣсхѣтѣ** (аорист) л. 12об. (2-й писец).

2. **ѣ** в соответствии с *ѣ:

а) под ударением перед мягким согласным: **пришлѣць** л. 121 (5-й писец);

б) в безударном положении перед твердым согласным: **людѣмѣ** (д. п. мн. ч.) л. 47 (Козьма).

Вероятно, взаимная мена букв **ѣ** и **ь** объясняется влиянием бытовых графико-орфографических систем, ср. в новгородских берестяных грамотах: **ко монь** вм. **къ мѣнѣ** (40—50 гг. XII в.). Очевидно, что бытовые графико-орфографические системы могли проникать в книжное письмо. В Шестодневе находим написания, аналогичные тем, которые приводит А. А. Зализняк как образцы бытовых графико-орфографических систем. С другой стороны, данные примеры показывают, что в XIV в. в псковском говоре уже не существовало [ѣ] как особой фонемы, что еще отмечал А. И. Соболевский [Соболевский 1884: 144]. Как указывалось выше, в памятнике наблюдается взаимная мена букв **ѣ** и **ь**. Известно, что на Руси процесс падения [ъ] и [ь] в слабой позиции и прояснение их в сильном положении в гласные полного образования [о] и [е] завершился к середине XII в., что вызвало замену на письме букв **ъ** и **ь** соответственно буквами **о** и **е**. Вероятно, для писцов буквы **ь**, **е**, **ѣ** были равнозначны, следовательно равнозначными были звуки, обозначавшиеся этими буквами, поэтому, вероятно, во взаимной мене букв **ѣ** и **ь** можно видеть подтверждение того, что в говоре писцов уже не существовало [ѣ] как особой фонемы.

Отдельно следует остановиться на употреблении в рукописи букв **ъ** и **ь**. В рукописи нашло отражение падение редуцированных в слабой позиции (**к тѣе** л. 103, **в начатце** л. 59, **по мнѣ** л. 93, **что** л. 12) и прояснение их в звуки полного образования в сильном положении в слове (**плотню** л. 5об., **мертвечь** л. 2об., **присѣдъ** вм. **пришѣдъ** л. 2об.). Замена букв редуцированных буквами гласных полного образования наблюдается в предлогах-префиксах: **во море**, **вомѣтающа** л. 2; **со вчѣме** л. 48, что объясняют влиянием церковного произношения. У второго и частично у первого писца находим смешение букв редуцированных гласных с буквами **о** и **е**. Например:

1) замена буквы **е** на **ь**:

зьмла вм. **земла** л. 6об., **стънъ** вм. **стено** (зв. ф.) л. 7об., **оутѣсеніемъ** вм. **оутѣшеніемъ** 10об.; **блгодателью** вм. **блгодателю** л. 10об., **губителья** вм. **губителю** л. 10об., **жителя** вм. **жителю** л. 9; **защитнище** вм. **защитнице** (зв. ф. ж. р.) л. 25 (2-й писец);

2) замена буквы **ь** на **е**:

наше вм. **нашь** л. 3об., **грѣхоме** вм. **грѣхомъ** л. 6, **веселнеме** вм. **веселнемъ** л. 16, **свѣтоме** вм. **свѣтомъ** л. 24, **корабеле** вм. **корабль**, **оправдаюте** вм. **оправдають** л. 21об., **радуюте сѧ** вм. **радуютъ сѧ** л. 23 (2-й писец);

3) замена буквы **о** на **ъ**:

прохъжаше вм. **прохожаше** л. 2об. (1-й писец), **стънъ** вм. **стено** л. 7об., **словъ** вм. **слово** л. 15, **пригвѣждаемо** вм. **пригвождаемъ**

л. 20об., рѣдила в.м. родила л. 21, рѣдо в.м. родъ л. 21об., мѣри в.м. мори, лѣвча в.м. ловча л. 22 (2-й писец);

4) замена буквы љ на о:

вернымо в.м. вернымъ л. 7, възопиемо в.м. възопиемъ л. 7об., сокрѣшило в.м. сокрѣшиналъ, величаемо в.м. величаемъ л. 8, въ поустынахо в.м. въ поустынахъ л. 11об., петро (им. п.) в.м. петръ, въ слѣдо в.м. въ слѣдъ, намо, вамо в.м. намъ, вамъ л. 12, избыхомо в.м. избыхомъ л. 17об., реко в.м. рекъ л. 20, недоуго в людъхо в.м. недоугъ в людъхъ л. 20об., гробо в.м. гробъ л. 21, женамо в.м. женамъ л. 24, прославиomo в.м. прославимъ л. 24 (2-й писец);

5) замена ѣ на ъ:

препѣтаа в.м. препѣтаа, исцѣлехомъ в.м. исцѣлехомъ, крѣпость в.м. крѣпость, грѣхоме в.м. грѣхомъ л. 6, вѣрнии в.м. вѣрнии боб., въ вратъхо в.м. въ вратѣхъ л. 7об., вьлыхъ в.м. вѣлхъ л. 10 (2-й писец).

Такие написания известны и в других рукописях, например, в Псковском Прологе 2-й пол. XIV в.: **иматѣ плодо ваше** в.м. **иматѣ плодъ вашъ**.

На подобные написания обращали внимание А. А. Шахматов и Н. Н. Дурново, объясняя смешение љ и ъ соответственно с о и є отражением книжного произношения. Такое искусственное произношение появилось под влиянием проповедовавших христианство на Руси южнославянских книжников, в языке которых к концу X в. сильные редуцированные [ъ] и [ь] перешли в звуки полного образования [о], [е]. [Шахматов 1941: 82; Дурново 2000: 392—393]. Вместе с тем, как отмечает Б. А. Успенский, книжное произношение усваивалось при обучении чтению по складам. Под влиянием южнославянского литургического произношения склады **бѣ**, **вѣ** учили читать как [бе], а склады **бъ**, **вѡ** — как [бо]. Искусственное чтение еров отразилось в целом ряде древнерусских памятниках письменности. Оно обнаруживается в написании **о** вместо **ѣ**, **е** вместо **ѡ**, а также в обратных заменах **о** на **ѣ** и **е** на **ѡ** [Успенский 1997: 150].

Примеры со смешением о и є с ѣ и ѡ отмечены в новгородских берестяных грамотах с XII в., и большинство исследователей [Аванесов 1955: 85—86; Жуковская 1959: 102—103; Зализняк 1995: 20—21] считают такие написания графико-орфографической особенностью. А. А. Зализняк видит в таких написаниях отражение бытовой системы письма. Отличие последней от книжной системы состоит в ином способе употребления одной или нескольких букв. Возможны следующие случаи: вместо одной буквы, требуемой при стандартной системе, в бытовой системе употребляется другая буква; две разные буквы стандартной системы выступают как графические дуб-

леты [Зализняк 1995: 20]. Отметим, что написания со смешением букв ъ с о и ь с є в основном встречаются в тексте, переписанном вторым писцом, изредка отмечены у первого, и не обнаружены у других писцов. Вероятно, здесь имеет место отражение бытовой системы письма, видимо, писцы следовали разной графико-орфографической традиции.

Наблюдения над рукописью Шестоднева позволяют заключить, что писцы, будучи профессионалами, все же отразили на письме свое диалектное произношение. Из псковизмов в рукописи отмечаются: второе полногласие, цоканье, шоканье, написание жг (в соответствии с рефлексом праславянского сочетания *zdj), отражающее произношение [ж'г']. Наибольшее число диалектизмов приходится на долю второго писца. 1-й, 4-й (Андрей) и 6-й писцы переписали небольшой объем текста, однако, у 1-го писца встречается цоканье и смешение букв с, з и ш, ж; последнее свидетельствует о шепелявом произношении. В рукописи отразилась не одна, а две графические системы: книжная и бытовая. Если смешение в парах ъ—о, ь—є представлено у второго писца, вероятно, не прошедшего хорошей книжной выучки, и изредка отмечено у первого писца, то смешение буквы ђ с є (и заменяющим его ь) встречается почти у всех писцов, что можно также объяснить переходом ё>е в псковском говоре.

Литература

- Аванесов 1995 — Аванесов Р. И. Фонетика. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955.
- Булгаков 1972 — Булгаков М. Б. О датировке отдельных рукописей ЦГАДА // Сов. архивы. М., 1972, № 4. С. 62—64.
- Дурново 2000 — Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Живов 1984 — Живов В. М. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII века // Russian Linguistics, 1984. 8. С. 251—293.
- Живов 1986 — Живов В. М. Еще раз о правописании ц и ч в древних новгородских рукописях // Russian Linguistics, 1986. 10. С. 291—306.
- Живов 1999 — Живов В. М. В плъну у ангелов на диком брегѣ — ахь! // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию В. В. Иванова. М., 1999. С. 777—792.
- Жуковская 1959 — Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.
- Зализняк 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Калугин 1991 — Калугин В. В. Андрей Микулинский и Козьма Попович — псковские писцы // Книжные центры Древней Руси XI—XIV вв. СПб., 1991. С. 46—60.

- Каринский 1909 — *Каринский Н. М.* Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909.
- Николаев 1994 — *Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. 3. С. 23—49.
- Покровский 1916 — *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916.
- Соболевский 1884 — *Соболевский А. И.* Очерки по истории русского языка. Киев, 1884.
- Соболевский 1903 — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1903.
- Успенский — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Budapest, 1988. С. 129—134.
- Успенский 1997 — *Успенский Б. А.* Избранные труды. Общее и славянское языкознание. М., 1997. Т. 3.
- Шахматов 1915 — *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915. Вып. 11. Ч. 1.
- Шахматов 1941 — *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
- Ягич 1899 — *Ягич И. В.* Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.